

Раздел 3

МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В РЕГИОНАХ СССР, РОССИИ И СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, ИСТОРИЯ

О. В. Горбачев

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина*

РОССИЙСКИЕ МИГРАНТЫ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В XX ВЕКЕ

Аннотация. Анализируется проблема взаимоотношений мигрантов и государства в России в XX в. Характер и интенсивность вмешательства власти в миграционные процессы формировали режимы миграции. Они были направлены на регулирование низовых миграционных практик, в основе которых лежали политические, экономические либо личные причины переезда. Власть в наибольшей степени боролась с политическими мигрантами, часто предпочитая не замечать переезжающих по экономическим причинам и тем более по личным обстоятельствам. Избирательность подхода диктовалась невозможностью государства контролировать территориальную мобильность населения даже в условиях массовых репрессий. Еще в первой половине XX в. у мигрантов присутствовало стремление скрыться от государства. В дальнейшем оно

сменилось желанием встроиться в советскую распределительную систему («лимитчики», «шабашники», сельские мигранты в города). Делается вывод, что успех миграционной политики определяется готовностью власти учитывать существующие в обществе настроения и тенденции.

Ключевые слова: Россия в XX в., миграция, миграционная политика, миграционные режимы, миграционные практики, миграция из села в город, «лимитчики», «шабашники»

С учетом традиционно значимой роли государства в России изучение российских миграций в XX в. обычно включает анализ миграционной политики [1–10]. Существенно реже рассматривается индивидуальная миграционная активность [1] и совсем редко приходится иметь дело с работами, где соотносятся институциональная и личностная составляющие в миграции [11–12]. Между тем сопоставительный анализ такого рода, безусловно, важен, поскольку позволяет понять, как соотносятся цели государства и населения в миграции, в какой степени государство в принципе способно контролировать миграционные потоки, и наконец, что можно считать критерием успешности миграционной политики.

Активность государства в миграционной сфере определяется характером политического режима, задающего соотношение силовых и пропагандистских методов, провозглашенными приоритетами по отношению к конкретным территориям, а также мерой вмешательства в стихийные миграционные процессы. Все вместе формирует определенный миграционный режим [12. С. 220]¹.

¹ Ср. определение миграционного режима: «политика, практики и инфраструктура, предназначенные как для усиления, так и для сдерживания движения населения» [13, с. 16].

Миграционные практики представляют собой реально существующие формы миграционной активности населения, находящиеся в рамках режимов, либо их нарушающие [13. С. 220]. Они определялись степенью государственного давления на личность, программами освоения отдаленных территорий, усложнением социальной структуры населения, нарастающей индивидуализацией в модернизирующемся обществе и характером низовой экономической активности. Расхождения между миграционными режимами и практиками формировали пространство «самовольной» миграции. В условиях ужесточения миграционного режима оно неизбежно расширялось.

Миграционные режимы, существовавшие в XX в. на территории России–СССР, довольно разнообразны. В первой трети XX в., начиная со столыпинской программы крестьянского переселения в Сибирь, предпочтение отдавалось пропагандистским методам. Пик активности государства в сфере миграционной политики приходится на сталинские годы, когда широко применялась практика принудительных миграций. В хрущевские годы в рамках целинной кампании изначально рассматривался вопрос о привлечении для этой цели ресурсов ГУЛАГа [14. С. 69], но в итоге были использованы формы добровольной трудовой мобилизации, что означало фактический отказ от силовых методов в регулировании миграций.

Принципиальных отличий между имперской и советской практиками в проведении миграционной политики, за исключением эксцессов сталинского времени, не было. Государство традиционно использовало жесткую риторику в отношении «самовольных мигрантов», но, как правило, она не соответствовала реальному поведению власти. Основными препятствиями для последовательной борьбы с нарушителями миграционного

режима были большая территория, отсутствие взаимодействия между представителями разных ведомств и разными уровнями вертикали власти, а также постоянная потребность управленцев на местах в рабочей силе.

В конечном счете в росте количества «самовольных» мигрантов не были заинтересованы ни власть, ни общество. Поэтому с нарастанием разнообразия индивидуальных миграций государственная политика неизбежно становилась более вариативной, с тем чтобы миграционные режимы, насколько это было возможно, соответствовали миграционным практикам.

Характерно, что после неудачи рестриктивного закона от 13 июля 1889 г. о насильственном возвращении крестьян, самовольно переселившихся в Сибирь, было организовано Переселенческое управление при МВД (1896). Его учреждение выглядело очевидной попыткой согласовать цели правительства с устремлениями сельского населения, нацеленного на поиск свободных земель. Та же логика просматривается в поведении Советской власти, когда в условиях роста неконтролируемой миграции на восток страны в 1926 г. был создан Всесоюзный переселенческий комитет при ЦИК СССР [15].

Несмотря на лозунг «кадры решают все», государство очень долго мирилось с текучестью рабочих на стройках первых пятилеток. Мало что делалось для борьбы с массовыми побегами спецпереселенцев в 1930-е гг., и отток удалось уменьшить не с помощью репрессий, а улучшением условий жизни в них в середине десятилетия [5. С. 5]. Эти примеры заставляют задуматься о том, что реально стоит за стереотипами восприятия «авторитарности» и «тоталитарности», т. е. о пространстве частной жизни в условиях постоянного давления государства на личность. Бороться с текучестью кадров на стройках

первых пятилеток было столь же затратно и неэффективно, сколь пытаться вернуть самовольных переселенцев в Сибирь при Александре III. Огромная территория вне зависимости от степени репрессивности режима давала мигрантам возможность исчезнуть из поля видения государства, «провалиться сквозь трещины» [12. Р. 234].

Если стремление российского государства контролировать подвижность населения в течение долгого времени определялось традиционными представлениями о необходимости патерналистской опеки, а затем мобилизационными практиками, то тяга мигрантов к самостоятельным перемещениям диктовалась тремя группами причин. В общем виде эти причины можно рассматривать как политические (беглецы из мест заключения, ссылки и дезертиры), экономические («отходники», самовольные крестьяне-переселенцы, «шабашники», «лимитчики») и относящиеся к обстоятельствам частной жизни.

Значение политических причин возрастало пропорционально жесткости миграционного режима, обычно в условиях усиления репрессий и в военное время. Текущая экономическая ситуация определяла интенсивность перемещений в поисках дополнительного заработка; личные обстоятельства существовали всегда.

Государство предсказуемо обостренно реагировало на нарушения политического порядка, но в случае отступления от экономических правил просчитывало «цену вопроса». На фоне растущей потребности в рабочей силе на стройках пятилеток выгоднее было «не замечать» беглецов из колхозов, а при неспособности государства организовать капитальное строительство на селе закрывали глаза на «шабашников», по сути, занимавшихся незаконным предпринимательством.

Одна из причин либерального отношения к «экономическим» мигрантам кроется в том, что власть не была монолитной. В этом смысле миграционный режим ассоциируется прежде всего с позицией центрального правительства. С другой стороны, управленцы на местах были вынуждены решать текущие хозяйственные задачи. Несогласованность действий центральных и местных органов власти порождала те самые «трещины», в которые проваливались «самовольные мигранты». На стройках промышленных гигантов «беглые» колхозники относительно легко получали паспорта; председатели колхозов принимали на работу уклонистов и дезертиров с военной службы, прикрывали «шабашников»; молодые специалисты, получившие распределение в сельскую местность, без особых проблем устраивались на работу в городе и т. п. Общей причиной и противоречий между центром и регионами, и вытекающих из них возможностей индивидуальных «миграционных практик» в условиях советской административно-командной системы было несоответствие между масштабностью провозглашенных экономических целей и недостатком наличных людских ресурсов для их реализации.

Начиная с 1930-х гг. важнейшим трендом внутренней миграции являлся переезд в город. При внешних признаках «самовольности» такого шага с точки зрения закона он таковым не являлся. Люди, ехавшие из села (а также те, кто переезжал из небольших городов в более крупные), использовали для переезда довольно многочисленные даже в сталинское время легальные возможности – служба в армии с последующим свободным выбором места работы, учеба в городе, брак с городским жителем.

Разновидностью экономических мигрантов были так называемые «лимитчики». Эти мигранты в крупные города

(главным образом в Москву) нанимались на непрестижную работу в стремлении остаться в них (получить право на прописку) после истечения срока трудового договора. Таким образом, «лимитчиков» мотивировали не столько экономические факторы, сколько перспектива «социального лифта», возможность занять более высокое место в советской распределительной системе. В этом коренное отличие «лимитчиков» от пришедших им на смену в 1990-е гг. «классических» трудовых мигрантов из Средней Азии.

На протяжении XX в. приоритеты самодеятельных мигрантов менялись. В первой половине столетия в миграции еще присутствуют мотивы поиска «воли», мифической «страны Муравии», где не будет постоянного контроля со стороны государства. Именно такие настроения в течение столетий были движущей силой российской колонизации. Несколькими десятилетиями позже самовольные мигранты – носители советского сознания – уже не питали иллюзий по поводу возможности скрыться от государства. Их целью было занятие более выгодного места в установленной властью системе координат. Поэтому эвакуированные москвичи с целью сохранения прописки стремились вернуться домой в обход действовавших ограничений сразу же после завершения победоносной битвы за Москву, а распределенные в сельскую местность либо в отдаленный регион специалисты уезжали оттуда при первой возможности.

По мере постепенной либерализации советской системы во второй половине XX в. у мигрантов появлялось все больше возможностей для легальных перемещений. Отказ от силового регулирования миграционных потоков, вытеснение политического фактора в миграциях экономическим привели к сужению пространства «самовольности».

С учетом высказанных соображений очевидно, что успех миграционной политики в очень большой степени зависит от желания власти считаться с существующими в обществе настроениями и тенденциями. Принудительные миграции позволяют достичь сиюминутных целей, но не способствуют выстраиванию эффективного взаимодействия власти и социума. Само существование понятия «самовольная миграция» свидетельствует об отсутствии такого взаимодействия. И в конкретных условиях строительство «города-сада» в сибирской тайге может оказаться более реальным, чем перспектива освоения «дальневосточных гектаров» в гораздо более благополучное время.

Список источников и литературы

1. Бердинских В. Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 768 с.
2. Бородин Л. И., Максимов С. В. Крестьянские миграции в России / СССР в первой четверти XX века (Макроанализ структуры миграционных потоков) // Отечественная история. 1993. № 5. С. 124–143.
3. Горбачев О. В. Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х – 1960-е гг. // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 138–149.
4. Занданова Л. В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию (конец 40-х – середина 60-х гг. XX в.). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 1997. 157 с.
5. Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД-МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3–17.
6. Массовые аграрные переселения на восток России (конец XIX – середина XX в.) / под ред. С. А. Красильникова. Новосибирск: Издательство НГУ, 2010. 206 с.
7. Пискунов С. А. Плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР: опыт второй половины 1940-х – 1980-х гг. Благовещенск: БГПУ, 2016. 340 с.
8. Платунов Н. И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июль 1941 гг.). Томск: изд-во Томского ун-та, 1976. 383 с.

9. Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: изд-во «ОГИ-Мемориал», 2001. 328 с.
10. Чернышева Н. В., Бровцин А. В. Трудовые миграции населения Кировской области в 1945–1967 гг. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2015. 226 с.
11. Siegelbaum L. H., Moch L. P. *Broad is my Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century*. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2014. 421 p.
12. Siegelbaum L. H., Moch L. P. Escaping in Twentieth-Century Russia // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. No 1. P. 220–239. DOI 10.15826/qr.2018.1.292
13. В движении добровольном и вынужденном: постсоветские миграции в Евразии / под ред. А. В. Вяткина, Н. П. Космарской, С. А. Панарина. М.: Наталис, 1999. 319 с.
14. Аксютин Ю. Хрущевская оттепель и общественные настроения в СССР. М.: РОССПЭН, 2004.
15. Об учреждении Всесоюзного Переселенческого Комитета при ЦИК Союза ССР // *Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. Отдел первый*. 1925. № 30.

RUSSIAN MIGRANTS AND MIGRATION POLICY IN THE 20TH CENTURY

*Oleg V. Gorbachev,
Dr. of History, Professor*

Abstract. The problem of relations between migrants and the state in Russia in the 20th century is analyzed. The nature and intensity of government intervention in migration processes shaped migration regimes. They were aimed at regulating grassroots migration practices, which were based on political, economic, or personal reasons for moving. The authorities fought political migrants to the greatest extent, often preferring not to notice those who moved for economic reasons, and even more so for personal reasons. The selectivity of the approach was dictated by the impossibility of the state to control the territorial mobility of the population even in the face of mass repressions. Even in the first half of the 20th century, migrants had a desire to hide from the state. In the future, it was replaced by a desire to integrate into the Soviet distribution system (“limiters”, “shabashniks”, rural migrants to the cities). It is concluded that the success of the migration policy is determined by the willingness of the authorities to take into account the existing moods and trends in society.

Key words: Russia in the 20th century, migration, migration regimes, migration practices, settlers, seasonal employment, career migration, refugees, evacuees